

Тамара / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсы

написано кітарсы | 24 января, 2025

Тамара / рассказ ТАМАРА

Тамара была пухленькая, милая, улыбочивая, она вся словно светилась. Соколову невыносимо было смотреть на исходящий от нее свет. Остальные одноклассники были ему отвратительны, он считал их шумными и глупыми, они хвастались всякой ерундой вроде планшета или новых кроссовок, курили за школой, выясняли отношения на переменах: парни – с помощью кулаков, девочки – таская друг друга за волосы. Соколов не мог смириться с тем, что они смеют спокойно смотреть на нее, болтать с ней, толкаться и перешучиваться. Ему было больно на нее смотреть, но он смотрел, не отводя глаз, и этой боли, которую вызывала её красота, нужно было непременно дать выход, иначе она уничтожит его, разорвет на части. Он боялся, что не успеет высказать всё ей до последнего звонка, но боялся сказать слова, которые она, скорей всего, слышала каждый день. «Ты красивая, ты очень милая, ты мне нравишься». Всё это казалось ему такой невероятной пошлостью, что он считал, что так он бы только оскорбил ее.

Ее постоянно окружали люди. Соколов прятался на лестнице, глубоко дышал, успокаивал себя, набирался смелости, но в тот же момент, когда он был готов, к ней подходил кто-то другой и уводил в сторонку. Он продумывал разные сценарии их разговора. Она, может быть, смущенно улыбнется, скажет «спасибо», они немного постоят, от смущения поглядывая в пол, и разойдутся. Может, она равнодушно протянет: «Мм, вот как», и посмотрит вопросительно, мол, что же теперь, что мне делать с твоей любовью? В одном из худших кошмаров она просто не станет его слушать, бросит: «Мне некогда, извини», и убежит. Но пока не проверишь, не узнаешь. Терять ему было нечего.

Звонок на биологию. Биологичка была добродушна, и подростки вальяжно врывались в класс и занимали свои места нарочито неторопливо. Соколов ёрзал на своём месте и выскивал глазами

Тамару. Он нашёл её по светлому кудрявому затылку – она сидела за третьей партой возле окна и разбирала книги. Место рядом с ней пустовало. В один миг он перестал слышать оживленные голоса одноклассников. В животе резко похолодело, он почувствовал внезапно налетевшую неистовую смелость и испытал от неё ужас. Не помня себя, он вскочил, сгрёб в охапку школьные принадлежности, зажал между коленей рюкзак, в два прыжка одолел расстояние между партами и неуклюже вывалил свои вещи прямо перед Тамарой. Ручка при этом упала и закатилась под стол. Тамара, сверкнув крупным камнем в сережках, ловко нагнулась и подняла ручку. Соколов дрожал, он ждал, что она издаст возмущённый оклик, прогонит его, или хотя бы просто спросит, что ему от неё понадобилась. Но она протягивала ему ручку и улыбалась. Полный недоверия, насупленный, он взял ручку и покрутил в руке. Тамара продолжала озорно смотреть на него, ее щечки покраснелись, уголки губ запрыгали, она поправила упавший на лоб завиток и смешливо прикрыла рот рукой. Он сидел неподвижно, опустив голову вниз, весь красный, но чрезвычайно довольный. Бросил на неё исподлобья ещё один взгляд. Она была рядом, и вдруг он обнаружил, что ему больше не так больно на неё смотреть.

С тех пор она всегда была рядом. Они сидели за одной партой, вместе ходили в столовую и за болтовнёй вечно опаздывали на урок. Её любимое лакомство, корзинку с пышной розочкой из безе, Соколов всегда покупал на свои карманные деньги и тихо радовался, глядя, как она аккуратно выедает серединку, оставляя песочное тесто на потом. За месяц он посмотрел пять сезонов её любимого сериала. Первые серии смотрел, преодолевая зевоту, но потом его так затянул сюжет, что задержавшись после уроков во дворике неподалёку от школы, они увлеченно и подолгу обсуждали поступки персонажей, размахивая руками и порой даже повышая друг на друга голос. Каждый вечер она присылала ему песни, трогательные, мечтательные, и в то же время заводные, совсем как она сама. Соколов обязательно читал перевод текста и каждый раз думал, что эта песня про них. Он ложился спать в наушниках, прослушивая песню раза три-четыре перед сном, и, погружаясь в дрему, мечтал, что рядом с ним на подушке,

прикрыв длинные светлые ресницы, лежит её кудрявая голова. В мечтах он прикасался к Тамаре, гладил ее по руке, покрытой тонкими светлыми волосками, целовал ямочку между ключицами, и от этих фантазий его лицо горело. Ужасаясь своих кощунственных помыслов, он комкал фантазии, как мог бы скомкать листок с искренними, но дурно написанными, пошлыми стихами. Он чувствовал страх, как космонавт перед открытым космосом.

Тамара была весела и беспечна. Она могла схватить его за руку, положить голову на плечо, ущипнуть за ногу под партой. Он вспыхивал, но не мог ничего позволить себе в ответ. Лишь однажды, в том же дворике, после школы, стоя на ржавых качелях, он посмел погладить её по щеке. Тамара потерлась о его ладонь ласково, как кошка, и прильнула губами к его губам. Сердце Соколова радостно запрыгало и он на миг потерял равновесие, чуть не грохнувшись с качелей. Тамара прыснула. – Знаешь что, Вань, – сказала она. – Приходи ко мне завтра после школы. Маму на свадьбу пригласили, она только ночью придёт.

Весь вечер Соколов не находил себе места. Наскоро решив задачу по физике, он улёгся на кровать и зажмурил глаза. Быть наедине с ней! Перебирать ее завитки, целовать коралловые губы, считать родинки на ее лице. Провести ладонью по спине и почувствовать позвонки, поднять ее на руки, тяжелую, тёплую, настоящую. Образ Тамары плыл перед его глазами, озарённый светом, воздушный и сладкий, как сахарная вата. Но на границе грёз зияла всё та же пугающая мгла. Соколов едва держался на самом краю. «Кто сказал, что мечтать не вредно?» – с тревогой и томительной тоской думал он. «Ведь это вредно. Это опасно». Сердце Соколова колотилось, отсчитывая этажи, когда они поднимались в лифте.

– Что будем делать? – с легким вызовом спросила Тамара.

– Ну... Там новая серия вышла. Может, посмотрим?

Они улеглись на узкую односпальную кровать, заправленную розовым цветастым покрывалом. Пытаясь устроиться поудобнее, Соколов нечаянно спихнул на пол сидевшего на кровати сизого плюшевого медведя.

Тамара уткнулась носом ему в шею.

– Духи твои нравятся, – прошептал Соколов.

– Это фиалка и чёрный перец, – улыбнулась она.

– Чёрный перец? А что, бывают такие духи? Но тебе подходит. Есть в тебе что-то такое...

– Какая-то перчинка, да? – Тамара рассмеялась.

Звук, доносящийся из ноутбука, вдруг пропал. Тамара потянулась посмотреть, в чем дело. Соколов покраснел, глядя на ее бедра, обтянутые узкими джинсами.

– Зависло. Интернет, видимо, отключился.

– А...

Тамара захлопнула ноутбук, развернулась перед ним и в один миг стащила футболку. Соколов лежал на кровати, как прикованный. Чудовищно пересохло в горле.

– Ну?

Он молча поднялся и онемевшими губами поцеловал ее в ямку между ключицами. Она расстегнула лифчик, освободив полную грудь с крошечными розовыми сосками.

– Тамар, я не могу.

– Что?

Соколов встал с кровати и подошёл к окну. За окном дети катались со снежной горки прямо на своих портфелях. Доносились радостные крики. Кто-то взорвал петарду. Но внутри Соколова звенела оглушительная тишина. Ему казалось, словно внутри него выключили звук и свет. Словно его толкнули в этот открытый космос, и он поглотил его, и стало и пусто, и страшно, и одиноко.

Тамара рухнула на кровать и заплакала, уткнувшись в подушку.

– Тамар...

Соколов сел рядом и осторожно дотронулся до ее плеча. Холодное.

– Тамар... Я люблю тебя! – пробормотал он.

– Уходи, – прорыдала она в подушку.

Он собрался и ушёл, очень тихо затворив за собой дверь.

На следующий день, заходя в класс, он увидел, что его место рядом с Тамарой заняла Катя Фролова, некрасивая щекастая девочка с плохой кожей. Он молча прошёл мимо них и сел за последнюю парту. На перемене, когда все обычно шли в столовую,

Тамара куда-то улизнула. В классе она снова была не одна. На её парту снова летели бумажки-записочки, кто-то отпускал шуточки, на которые она отвечала хихиканьем, кто-то дёргал её за рукав и клянчил дать списать. Всё это не имело к Соколову никакого отношения. Он будто бы перестал для неё существовать. Он ждал её. Пытался поймать после школы. Он писал ей – она даже не читала его сообщения.

Соколов сидел один за последней партой и смотрел на её светлый кудрявый затылок, озаренный нежным предвесенним солнцем.

Об авторе: КАТАРИНА КРАСАВИНА

Прозаик, журналист. Выросла в Иркутске, живёт в Москве, окончила магистратуру философского факультета МГУ. Посещала курсы литературного мастерства в Литературном институте им. Горького и в онлайн-мастерских Creative Writing School. Публикуется в журналах «Прочтение», «Звезда», «Урал».
Neкаýalar